

Научная статья
УДК 001.38
doi: 10.17223/1998863X/66/26

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАПРОС И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ: ДВА АСПЕКТА ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Лиана Анваровна Тухватулина

*Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории
и философии науки», Москва, Россия, spero-meliora@bk.ru*

Аннотация. Отстаивается тезис о том, что реализация науки как гуманистического проекта в современном мире связана с расширением политического влияния науки. Это участие, с одной стороны, определяется выделенной ролью научных экспертов, а с другой стороны, функционированием науки как образца в системе распределения знания. Основное внимание уделено осмыслению тенденции к натурализации в эпистемологии социальных наук, а также дискуссии о недопуске (no-platforming discussions) в качестве примеров влияния общественно-политической миссии ученых на методологию исследований и принципы академической коммуникации.

Ключевые слова: наука, политика, экспертиза, методологическая натурализация, дискуссии о недопуске, академическая политика, демократия

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-004288 «Политическая субъектность современной науки: междисциплинарный анализ на перекрестье философии науки и философии политики» в Русском обществе истории и философии науки.

Для цитирования: Тухватулина Л.А. Политический запрос и социальные науки: два аспекта взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 66. С. 275–281. doi: 10.17223/1998863X/66/26

Original article

POLITICAL INQUIRY AND SOCIAL SCIENCES: TWO ASPECTS OF INTERCONNECTEDNESS

Liana A. Tukhvatulina

*Russian Society for History and Philosophy of Science, Moscow, Russian Federation,
spero-meliora@bk.ru*

Abstract. The author defends the thesis that the implementation of science as a humanistic project in the modern world is associated with the expansion of the political influence of science. This participation, on the one hand, is determined by the special role of scientific experts, and, on the other hand, by the functioning of science as a model in the knowledge distribution system. The concrete implementation of this participation is determined by a wide range of involvement of science in social communication – from education and popularization of scientific knowledge to participation in expert support. This article focuses on understanding the trend towards naturalization in the epistemology of social sciences and no-platforming discussions as a result of the influence of the sociopolitical mission of scientists on research methodology and principles of academic communication. Thus, the methodological trend towards naturalism in social sciences is largely determined by the stereotypes of politicians about what exactly a credible scientific explanation of human nature should look like. These stereotypes are formed on the basis of simplified ideas about the image of natural

science knowledge. This shift is largely associated with the technocratic imperative in politics, which suggests that the trend towards naturalization of social and scientific knowledge will only grow. The second part of the article focuses on a discussion about whether to provide a university platform for people spreading “wrong” or even “disgusting” opinions on the subject (so-called no-platforming discussions). The arguments of defenders and critics of the idea of no-platforming are evaluated. Based on the example of gender studies, the author infers that no-platforming may be motivated not so much by the scientific unfoundedness of skeptics’ judgments as by the negative influence of “non-constructive dissent” on the legitimacy of civic activism. The author concludes that social sciences in the modern world do not at all seek to distance themselves from the current political agenda, actively participating both in the expertise and in supporting civic activism. This circumstance indicates that it is politicization that embodies the idea of science as a humanistic project today.

Keywords: science; politics; expert examination; methodological naturalization; discussions about non-admission; academic politics; democracy

Acknowledgments: The study was supported by the Russian Science Foundation (Project Number 21-18-004288).

For citation: Tkhvatulina, L.A. (2022) Political inquiry and social sciences: two aspects of interconnectedness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 66. pp. 275–281. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/66/26

В книге «Наука – гуманистический проект» Илья Теодорович Касавин отмечает, что магистральная идея современных исследований науки и техники состоит в том, чтоб «представить науку в единстве ее коммуникативных форм, ее истории и нормативно-ценностного измерения, дать образ науки с человеческим лицом. Это идея науки как гуманистического проекта, провозвестника Нового просвещения» [1. С. 13]. Сама формулировка такого проекта основывается на признании «повсеместности» науки, ее центральной роли в коммуникативной структуре общества, которая определяется в том числе «выделенной ролью научных экспертов» и «функционированием науки как образца в системе распределенного знания» [1. С. 94]. Идея науки как гуманистического проекта связана с расширением связей науки с иными социальными институтами, а главное – все большей включенностью ученых в общественно-политическую жизнь. Такая включенность предполагает широкий спектр реализации – от просвещения и популяризации науки до участия в экспертном сопровождении политических решений. Модусы взаимодействия и характер взаимовлияния науки и политики становятся одной из центральных тем социальной эпистемологии. Образы науки, которые конструируют современные исследователи, далеки от позитивистского эталона «башни из слоновой кости». В социально-гуманитарных областях включенность исследователей в общественно-политические дискуссии и экспертную деятельность оказывает влияние как на некоторые методологические тенденции, так и на академическую политику. В этой короткой реплике я рассматриваю тенденцию к натурализации в эпистемологии социальных наук, а также дискуссию о недопуске (no-platforming discussions) в качестве примеров влияния общественно-политической миссии ученых на методологию исследований и принципы академической коммуникации.

На мой взгляд, внешней предпосылкой натурализации эпистемологии в некоторых социальных науках оказывается именно запрос на экспертное сопровождение политических решений. Авторитет знания, которое продвигают те или иные дисциплины, как предполагается, станет крепче, если его эпи-

стемические основания будут в большей степени соответствовать канонам *hard science*. Сторонники натуралистической редукции предполагают, что в экономике о формировании предпочтений и способах принятия решений гораздо больше может рассказать метод функциональной МРТ, чем теоретические абстракции, вроде многократно раскритикованной модели *homo economicus*. А новейшим веянием в юридической науке становится рецепция биомедицинской практики рандомизированных контролируемых исследований (RCT) для анализа различных факторов, влияющих на судебские решения [2]. Все это говорит о том, что социальные науки на современном витке развития как будто бы вновь обращаются к контовскому идеалу «социальной физики», которая должна быть так же точна в методах и предсказаниях, как и естественные науки. Целью этого процесса как будто бы становится стремление освободиться от «позорного клейма» гуманитарного знания, которое, согласно некоторым стереотипам, производит лишь «пустопорожнюю болтовню». Однако этот натуралистический дрейф вызывает не только одобрение, но и критику [3].

Исследователи неоднозначно оценивают основания и перспективы концептуальных и методологических заимствований, которые осуществляют «дисциплины-реципиенты» по мере становления междисциплинарных областей социальной науки. Спектр позиций в этом вопросе варьирует от критики «эпистемического империализма» с его стремлением «распространить хорошую научную идею за пределы той области, где она появилась – и <...> где она способна эффективно работать» [4. С. 374] до апологии «методологического экуменизма», который оправдывает рецепцию стремлением отдельных дисциплин к обогащению собственных методологических ресурсов.

Защитники считают, что их оппоненты критикуют «империализм» лишь по аналогии с политическим, не желая вдаваться в эпистемологические детали. В свою очередь, критики полагают, что формирование междисциплинарных направлений в социальных науках нужно рассматривать исключительно как явление академического маркетинга. Открытие соответствующих кафедр и факультетов, привлечение студентов, получение грантового финансирования и проведение экспертизы по заказам частных корпораций и государства – вот настоящие цели развития междисциплинарных направлений в социальных науках, а вовсе не декларируемое стремление увидеть реальность «в истинном свете» через обращение к открытиям психологов-когнитивистов (поведенческая версия «права и экономики») или нейрофизиологов («нейро-экономика» и «нейроправоведение»).

Критики интерналистского обоснования междисциплинарности считают, что методологический обмен предполагает «замещение» одних теоретических предпосылок другими и, как следствие, приводит к реконфигурации научной онтологии. А потому сравнение эпистемических ресурсов той или иной дисциплины «до» и «после» кооперации едва ли правомерно. Более убедительным мне кажется экстерналистский довод о том, что натурализация связана со стремлением обрести прочные «собственно научные» основания для большей легитимности экспертного знания, на которое и нацелены междисциплинарные программы. Думаю, что легитимность здесь во многом определяется стереотипами политиков о том, как именно должно выглядеть достойное доверия научное объяснение природы человека. И эти стереотипы

формируются на основании упрощенных представлений об образе естественно-научного (или даже «собственно научного») знания. Подобный сдвиг к натурализации в эпистемологии социальных наук в значительной мере связан с технократическим императивом в политике. Легитимность принимаемых в современном мире политических решений во многих сферах определяется мерой их научной обоснованности. Политика требует экспертизы, основания которой должны быть как можно более «прочными». Как же возможна оценка этой «прочности»? Поскольку важнейшим ограничением в коммуникации между политиками и экспертами является «регресс экспертизы» (для оценки эксперта А требуется эксперт В, которого, в свою очередь, оценит эксперт С и т.д.), доверие политиков к экспертизе вынужденно основывается лишь на ее внешней убедительности. В этих условиях риторика приверженцев натуралистического редукционизма, которые бравируют дескриптивной точностью, выигрывает в сравнении с мутными теоретическими абстракциями, нагруженными философскими допущениями. Используя эту риторику, социальные науки отвечают на внешние ожидания и получают политические преимущества. А возможно, сами же формируют эти ожидания, предлагая подобный инструментарий. Именно сторонники «натурализованных» исследовательских программ занимают лидирующие позиции в экспертном консультировании политиков. Это обстоятельство позволяет утверждать, что тенденция к натурализации эпистемологии в социальных науках будет лишь усиливаться, поскольку такие исследования подкрепляются политическим запросом. Под влиянием такого запроса «политизируются» дискуссии и внутри науки. Спектр этих дискуссий весьма обширен – они затрагивают не только сугубо методологические вопросы (как в случае с дискуссиями о легитимности «эпистемического империализма»), но и проблемы регулирования академической жизни. Одну из этих проблем я хотела бы рассмотреть далее.

В западной литературе ведется активная дискуссия о том, следует ли предоставлять университетскую площадку людям, распространяющим «ошибочные» или даже «отвратительные» мнения о предмете (так называемые дискуссии о недопуске, no-platforming discussions). Речь, в частности, идет о запрете на публичную презентацию скептических убеждений о природе гендерной идентичности, которые основаны на отождествлении гендера и биологического пола. Несмотря на то, что идея недопуска в этом случае разделяется многими, целый ряд философов выступил с призывом дать скептикам право на публичное высказывание внутри академии, поскольку в противном случае «философия отказывается от своей важнейшей социальной миссии как дисциплины, где наиболее чувствительные и сложнейшие проблемы исследуются беспристрастно, деликатно и прозорливо» [5]. Кроме того, табуирование неугодных мнений означало бы и отказ от проблематизации метафизических оснований гендерной проблематики, от самой постановки вопросов о том, что есть человек, чем определяется идентичность и каково соотношение биологического и социального. Однако само приглашение скептика может расцениваться как факт валидации его убеждений, поскольку события, происходящие в стенах академии, часто воспринимаются публикой как заведомо научные события [6]. Но справедливо и то, что хотя принцип недопуска нацелен на снижение влияния «неконструктивного инакомыслия», его реализация

в то же время может создавать препятствия на пути свободного формирования убеждений внутри академии (*academic belief formation*) и усиливать недоверие ученым. Принцип недопуска ставит под удар основополагающую ценность научного мира – академическую свободу. И поэтому решение вопроса о недопуске в каждом конкретном случае требует, чтобы эпистемические издержки, связанные с валидацией «неконструктивного инакомыслия», перевешивали негативные эффекты от подкрепления недоверия механизмам формирования убеждений внутри академии [7. С. 13–14]. Следует отметить, что возникновение самих этих дискуссий во многом связано со значительным влиянием научного дискурса на социально-политическую повестку.

Так, в случае с гендерными исследованиями недопуск может быть мотивирован не столько научной необоснованностью суждений скептиков, сколько негативным влиянием «неконструктивного инакомыслия» на формирование гендерной политики и легитимность гражданского активизма. И хотя требование недопуска формулируется также в отношении тех, кто выступает против консенсуса в естественных науках (так называемых климатических скептиков, антивакцинаторов и ВИЧ-диссидентов), именно пример с социальными исследованиями наиболее показателен в смысле влияния политической рациональности на академический дискурс. Именно в этой области на исследователя возлагается особая ответственность за то, насколько разрабатываемые способы концептуализации социальных проблем способствуют борьбе с общественной несправедливостью. Методологический принцип «свободы от оценки» здесь отходит на второй план, а исследователь сталкивается с необходимостью принимать во внимание то, каким образом его исследование влияет на общественную повестку. С эпистемологической точки зрения, этот переход связан с признанием того, что социальные исследования, как и философия, предстают «как одна из техник пере-плетания нашего словаря морального дискурса, цель которого – приспособление к новым убеждениям» [8. С. 249]. В свою очередь, характер этого «пере-плетания» определяется стремлением к рассмотрению «традиционных различий (племенных, религиозных, расовых, обрядовых и им подобных) как несущественных по сравнению со сходствами, касающимися боли и унижения» [8. С. 243].

Однако стоит ли оценивать такое внимание к внешним для социальной науки эффектам, как тревожный симптом ее идеологизации? Или же, напротив, такую «чувствительность» следует рассматривать как еще один аспект гуманизации? В общем виде эти вопросы имеют риторический смысл, а ответ на них лишь указывает на «политическую» позицию отвечающего. И все же, на мой взгляд, несомненно то, что подобные дискуссии свидетельствуют о ключевой роли института науки в демократическом обществе. Общественное благо, которым наука одаривает общество, состоит не только в научном знании как в таковом, но и в трансляции высочайших стандартов коммуникации. Свобода дискуссии, академическое равенство (право на обоснованное высказывание независимо от позиции в статусной иерархии), строгие этические принципы научной полемики могут рассматриваться как эталон демократической коммуникации в целом. О «генетическом» сходстве науки и демократии говорят и общие для них проблемы: подобно тому, как важнейшим вызовом демократии становится популизм, ключевую угрозу

академической свободе представляет необоснованное отрицание научного консенсуса (именно потому, что борьба с ним может вести к ограничениям академической свободы – как в случае с дискуссиями о недопуске). В обоих случаях возникает необходимость поиска срединного пути, позволяющего обойти коллизию свободы и эффективности.

Социальные науки в современном мире вовсе не стремятся дистанцироваться от актуальной политической повестки, активно участвуя как в экспертизе, так и в поддержке гражданского активизма. Скептики полагают, что такого рода включенность уже приводит к их политизации. Однако обратной стороной политизации науки может стать и сциентизация политики, которая является более желанным для ученых результатом политической включенности науки. Остается лишь надеяться, что нарастающее взаимодействие между наукой и политикой послужит минимизации популизма и демагогии во власти, а наука тем самым встанет на защиту здоровой демократии.

Список источников

1. Касавин И.Т. Наука – гуманистический проект. М. : Весь мир, 2020. 496 с.
2. Fernandez Lynch H. et al. Overcoming Obstacles to Experiments in Legal Practice // *Science*. 2020. Vol. 367, is. 6482. P. 1078–1080.
3. Mäki U., Walsch A., Fernández Pinto M. *Scientific Imperialism. Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London : Routledge, 2018. 332 p.
4. Dupré J. Against Scientific Imperialism // *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 1994. Vol. 2. P. 374–381.
5. Bermudez J.L., Chambers C., Fine C. et al. Philosophers Should Not Be Sanctioned Over Their Positions on Sex and Gender // *Inside Higher Education*. 2019. URL: <https://www.insidehighered.com/views/2019/07/22/philosophers-should-not-be-sanctioned-their-positions-sex-and-gender-opinion> (accessed: 19.11.2021).
6. Levy N. No-platforming and Higher-Order Evidence, or Anti-Anti-No-platforming // *Journal of the American Philosophical Association*. 2019. Vol. 5, № 4. P. 487–502.
7. Peters U., Nottelman N. Weighing the Costs: The Epistemic Dilemma of No-platforming // *Synthese*. 27 March 2021. doi: 10.1007/s11229-021-03111-w
8. Рорти Р. Случайность, ирония, солидарность / пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М. : Русское феноменологическое общество, 1996. 282 с.

References

1. Kasavin, I.T. (2020) *Nauka – gumanisticheskij proekt* [Science as a Humanistic Project]. Moscow: Ves' Mir.
2. Fernandez Lynch, H. et. al. (2020) Overcoming Obstacles to Experiments in Legal Practice. *Science*. 367(6482). pp. 1078–1080.
3. Mäki, U., Walsch, A. & Fernández Pinto, M. (2018). *Scientific Imperialism. Exploring the Boundaries of Interdisciplinarity*. London: Routledge.
4. Dupré, J. (1994) Against Scientific Imperialism. *PSA: Proceedings of the Biennial Meeting of the Philosophy of Science Association*. 2. pp. 374–381.
5. Bermudez, J.L., Chambers, C., Fine, C. et.al. (2019) *Philosophers Should Not Be Sanctioned Over Their Positions on Sex and Gender*. [Online] Available from: <https://www.insidehighered.com/views/2019/07/22/philosophers-should-not-be-sanctioned-their-positions-sex-and-gender-opinion> (Accessed: 19th November 2021).
6. Levy, N. (2019) No-platforming and Higher-Order Evidence, or Anti-Anti-No-platforming. *Journal of the American Philosophical Association*. 5(4). pp. 487–502.
7. Peters, U. & Nottelman, N. (2021) Weighing the Costs: The Epistemic Dilemma of No-platforming. *Synthese*. 27th March. DOI: 10.1007/s11229-021-03111-w
8. Rorty, R. (1996) *Sluchaynost', ironiya, solidarnost'* [Contingency, Irony, and Solidarity]. Translated from English by I. Khestanova, R. Khestanov. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.

Сведения об авторе:

Тухватулина Л.А. – кандидат философских наук, исследователь Межрегиональной общественной организации «Русское общество истории и философии науки» (Москва, Россия).
E-mail: spero-meliora@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Tukhvatulina L.A., Russian Society for History and Philosophy of Science (Moscow, Russian Federation). E-mail: spero-meliora@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.01.2022;
одобрена после рецензирования 20.02.2022; принята к публикации 04.05.2022*

*The article was submitted 20.01.2022;
approved after reviewing 20.02.2022; accepted for publication 04.05.2022*